

Му Су прокусил лапшу, надув щеки, и, уставившись на Цинфэна, замер на несколько секунд, прежде чем проглотить всё, что было у него во рту. Дождавшись подходящего момента, он бросился на Цинфэна, усевшись верхом на его бёдра, что вызвало у последнего лишь улыбку, полную снисходительности.

— Ты действительно не знаешь, что такое скромность и сдержанность.

— А ты ешь, так ешь, зачем меня целовал? — с вызовом подняв подбородок, спросил Му Су.

Цинфэн не смог ответить, лишь слегка улыбнулся, глядя на мальчика перед собой.

— Целую, потому что хочу. Разве нужно что-то ещё?

Глаза Му Су сузились, и на его лице появилась широкая улыбка.

— Ты только что поцеловал не то место. Разрешаю повторить!

— Хорошо.

Как будто получив приказ, Цинфэн без лишних слов коснулся губами его губ — лёгкий, едва заметный поцелуй. Но лицо его было схвачено, а губы грубо прижаты.

— Эй, ты же только что доел лапшу и даже рта не вытер!

Му Су всегда был так прям с ним, не испытывая ни тени робости. Каждый поцелуй он встречал с нетерпением, что, напротив, смущало Цинфэна, который не знал, как реагировать на такую откровенность. Но в глубине души он чувствовал, что такая прямота — это хорошо. Ему не приходилось тратить силы на догадки, они всегда могли без слов понять, чего хочет другой.

— Цинфэн, я...

Му Су сел обратно на кровать, обхватил шею Цинфэна и потянул его вниз, не позволяя встать. Воротник его рубашки отошёл, обнажив изящные ключицы, которые казались Цинфэну невероятно соблазнительными, а шёпот у самого уха лишь усиливало это чувство.

— Ты ещё не наелся? Добавить ещё одну порцию?

Он притворился, что не понимает намёка, чем вызвал лёгкую гримасу недовольства на лице Му Су.

— Дурак!

— Ты ещё маленький. Если, когда вырастешь, останешься моим, это будет прекрасно.

Поцелуй легко коснулся его лба. Цинфэн встал, чтобы убрать посуду и отнести её мыть к раковине в прихожей.

Му Су скучающе лежал на кровати, пальцами бездумно теребя наволочку, и не обращал на Цинфэна никакого внимания, пока тот шёл мыться в ванную. Когда Цинфэн, умывшись, вернулся, парень уже спал, его личико покраснелось во сне.

Накрыв его одеялом, Цинфэн откинул прядь волос с его лба, обнажив гладкую кожу, и не удержался, чтобы не накрыть лицо спящего мелкими, нежными поцелуями. Глядя на человека перед ним, он смотрел так же, как ребёнок смотрит на свою любимую игрушку, — не в силах

отвести взгляд и жалея отложить её даже в сторону. Но он знал: игрушка принадлежит хозяину, а Му Су принадлежит только ему.

— Обязательно хорошо сдай экзамены. Хочу увидеть тот день, когда ты поступишь в Академию искусств.

Забравшись под одеяло, он прижался к спине Му Су и крепко обнял его, губами касаясь мягких волос с тонким ароматом. Это, возможно, и была награда, посланная ему небесами в трудную пору. Неважно, как долго она продлится, он принимал её с радостью.

В субботу утром, после занятий, Цинфэн сразу вернулся в свою маленькую квартиру. Едва войдя, он почувствовал густой аромат риса, в котором сквозила сладкая нотка.

Открыв дверь, он увидел Му Су, закатавшего рукава и помешивающего кашу в кастрюле ложкой. По комнате разносился аппетитный запах.

Закрыв дверь, он подошёл сзади, обнял его за талию и, прижавшись щекой к его волосам, прошептал на ухо:

— Опять варишь мне кашу? Что сегодня?

— Попробуешь — узнаешь.

Кулинарные навыки Му Су оставались на прежнем уровне, но вот каша получалась всё вкуснее. Он даже боялся, что Цинфэну станет скучно, и постоянно менял состав и вкус. Иногда, когда Цинфэн брал с собой термос в школу, это привлекало внимание многих.

— Ингредиентов в твоей каше становится всё больше. Боюсь, как бы ты однажды не приготовил «Прыжок Будды».

С этими словами он перехватил ложку, которой Му Су пробовал кашу, и отправил её содержимое себе в рот.

— В прошлый раз дядя очень переживал, что ты вдруг бросишь учёбу и пойдёшь в повара.

— Тьфу, я всего лишь несколько раз сварил ему кашу. Зачем из этого делать проблему?

— Конечно. Другие учатся готовить, чтобы кормить многих, а наш Му Су готовит только для меня.

Подготовка Цинфэна к экзаменам становилась всё напряжённее. После еды у него не было времени даже на то, чтобы пища улеглась, и он сразу садился за парту решать задачи. Собираясь тихо выйти, он услышал стук шариковой ручки по столу и холодный голос:

— Ты когда собираешься начинать подготовку?

Му Су разочарованно надул губы, закрыл дверь и вернулся обратно.

— Я же не поступаю в университет.

— Разве ты не собираешься поступать в старшую школу? В прошлый раз твои оценки немного упали. Ты хочешь, чтобы они упали ещё ниже?

Цинфэн никогда не кричал на него, но одного тихого слова от него было эффективнее, чем

десяти отречений отца, что лишь сильнее злило Му Су.

— В прошлый раз был случай, я не смог собраться.

— Боюсь, что таких «случаев» будет слишком много. Садись сюда, сегодня выучи этот список английских слов. Когда я закончу повторять, проверю тебя.

Перелистав страницу до нужного места, он придвинул книгу к Му Су.

— Не тяни. Твой учитель математики дал тебе пять листов с заданиями.

— Домашних задаёшь больше, чем учителя.

Му Су пробормотал это, но Цинфэн услышал.

Когда все задания были наконец выполнены, было уже темно, и время близилось ко сну. Му Су посмотрел на задачи Цинфэна, но не понял ни одной — в глазах рябило от сложности.

— Ты закончил? — робко спросил он.

— Скоро.

Хотя он так и сказал, ручка в его руке не останавливалась, быстро скользая по бумаге.

Через некоторое время он снова спросил:

— Ты закончил?

Оставалось всего две задачи. Цинфэн взглянул на Му Су, безучастно размякшего в ожидании, вздохнул и убрал книги со стола.

— Твои результаты уже очень хорошие.

На самом деле он думал, что не стоит так изнурять себя подготовкой. В любом случае хороший университет его ждёт.

— Только не говори при мне о Тань Лине.

Цинфэн сразу знал, что он хочет сказать, и Му Су проглотил слова. Отношения с Тань Лином стали мягче, но Цинфэн стал относиться к нему ещё более холодно. Даже если Тань Лин всегда проявлял «великодушие взрослого», это не приносило никакой пользы.

— В моей семье тоже достаточно денег. Не боишься, что между нами будет пропасть? — рискнул спросить Му Су, но получил ответ:

— Ведь в будущем ты будешь меня содержать, а без денег как же?

— Хе-хе.

Му Су ухмыльнулся, открыл телефон и посмотрел на сообщение.

— Тань Лин на самом деле хотел пригласить тебя на свой день рождения и спросить, можно ли взять меня с собой.

— Он хотел спросить, можно ли привести меня, да?

Цинфэн полностью проигнорировал это и наотрез отказался, в душе лишь холодно усмехаясь. Если бы он действительно пошёл на тот день рождения, в доме семьи Тань, наверное, было бы весело.

— Ты совсем не даешь сохранять лицо.

Эти двое с фамилией Тань были загадкой: неизвестно, из чего они сделаны — один с каменным сердцем, другой с толстой кожей. Прямо как Чжоу Юй и Хуан Гай: один хочет бить, другой — чтобы били его.

— Знаешь, какая мощь у атомного взрыва?

Улыбка холодной насмешки не сходила с его губ.

— Если однажды увидишь, это точно не к добру.

Му Су подумал, что Цинфэн, похоже, не хочет видеть не столько Тань Лина, сколько семью Тань. Все они носили фамилию Тань, и он всё больше подозревал, есть ли между ними какая-то связь.

— Какая может быть мощь? Ты взорвёшься в доме Тань? Или там произойдёт какая-нибудь мыльная опера, и окажется, что ты незаконнорожденный сын семьи Тань...

Слова сорвались с языка, и в ту же секунду книги, аккуратно сложенные на столе, были сметены на пол. Всегда такой мягкий с ним Цинфэн теперь был почти перекошен от ярости.

Му Су испугался, оставшиеся слова застряли в горле. Он, казалось, задел его больное место, но подозрения в сердце лишь усилились: быть может, то, что он сказал вслух, — правда.

Полминуты стояла тишина, прежде чем Цинфэн слегка выдохнул, словно пытаясь подавить гнев. Он наклонился и начал убирать созданный им беспорядок.

— Незаконнорожденный сын... Какие тяжёлые слова.

— Я сам.

Му Су больше не смел шутить и помог собрать все книги.

После этого случая обстановка немного смягчилась только перед сном. Цинфэн забрался под одеяло, прислонился к спинке кровати на своей стороне и смотрел на книгу, лежащую рядом.

Му Су лежал на подушке, не сводя глаз с его профиля. Каждый раз, когда Цинфэн злился, он почему-то не хотел отдаляться, а, напротив, чувствовал желание стать ещё ближе.

Большая ладонь опустилась ему на голову, и Цинфэн, не произнося ни слова, начал нежно гладить его.